

ВЛАДИСЛАВ СЛОБОДЯНЮК

---

# Монохром

ОН ХОРОНИТ СЕБЯ...



Владислав Слободянюк  
**Монохром. Он хоронит себя...**

«Издательские решения»

**Слободянюк В.**

Монохром. Он хоронит себя... / В. Слободянюк —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839737-0

Гегемония мрака, отчаяния и реалий современности. Город, сковывающий в рамки сотни тысяч людей. Но среди них есть те, чьи отчаянные судороги в луже буйства города все же были замечены. Похожие и одновременно с этим очень разные. Добро пожаловать в Монохром.

ISBN 978-5-44-839737-0

© Слободянюк В.  
© Издательские решения

## Содержание

Монохром	6
Вернись	8
Беги	12
Уроборос	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

# **Монохром Он хоронит себя...**

**Владислав Слободянюк**

*Иллюстратор* Анна Васильевна Белозерова

© Владислав Слободянюк, 2017

© Анна Васильевна Белозерова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9737-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Монохром

Солнце не спеша ползло за горизонт. Точнее это было не солнце, а лишь то, что осталось после многодневного господства грозы и непрекращающегося ливня. Город вновь готовился погрузиться в беспросветную темень и окутаться в свою излюбленную мантию, зовущуюся мглой...

С. оглянулся. Вокруг царило умиротворение. Но как бы парадоксально это не звучало, оно нагоняло тоску и необъяснимую тревогу. Кладбищенский холод вздымался к выси от мерзлых могил и охватывал собой все живое. Когда С. проходил у обочины, где раскинулось начало кладбища, то заметил изуродованное сгнившее дерево. Его ветви были похожи на массу обрубленных конечностей исхудалых рабов древности, уж слишком человеческий вид они имели. Когда ветер оживлялся, то тонкие сухощавые «пальцы» ветвей с треском шевелились. Казалось, что они вот-вот оторвутся от основания и пустятся в свой неизведанный путь по кладбищенским равнинам. Пар исходил от могил, показывая, что день отдаёт свои владения вечной своей сменнице. С. взглянул на небо и выставил руки перед собой, пытаясь уловить капли моросящего дождя. Они приятно орошали его небритое лицо. Люди, которые решили посетить кладбище в это тёмное воскресенье, начали собираться и загружаться в автомобили. Незнакомцы проходили мимо С., делая вид, что никого не замечают перед собой, от чего у него создалось впечатление, что он совсем один.

Что он тут делал? Почему кладбище? Он и сам не понимал того. Обрывки памяти не хотели восстанавливать общую картину того, что привело его сюда. Пытаясь собрать единую цепочку событий С. шурился и чесал небритую щеку. Но каждый раз, когда казалось, что остаётся скрепить карабином собранную цепочку и обрести желаемое, она миглом обрываясь, оглушая звоном тяжёлого металла все уголки его помутневшего сознания. Ботинки вступали по сырой земле, капли воды стекали по капюшону, постоянно отвлекая взор, а руки кочнели за считанные секунды, когда С. вынимал их из карманов своего плаща. Осознание так и не собиралось посещать его, сколько бы он не бродил челноком по опустевшему погосту. Его вел некий дух, ослепивший его на данном этапе жизни, некая сила, зовущая идти следом к непонятным целям. Он шел вперёд, вглубь, в самое сердце кладбища, переступая отсыревшие могилы и мраморные памятники. Он находился в окружении тысячи людей. Мертвецов. Они были там, глубоко код землей, но С. казалось, что именно в ту минуту они повылезали из своих тесных камер для тела и уставились осуждающим и пугающим взором в затылок заблудшего путника. «Тебе туда, тебе туда, тебе туда» – как бы говорили мёртвые. Могилы будто смещались, образуя тропу, куда должен был следовать С. Создалось ощущение, что он находится в сюрреалистическом царствии скитальческих душ. Могилы и памятники имели неестественный вид: ассиметричные углы, беспорядочное расположение крестов, отсутствия имён и фамилий. У их своеобразных подножий не было цветов, кустов и вообще чего-то живого. Пустота кругом. Такая же пустота, что повелевала душой господина С., который все брел и брел на зов сердца. Ему было все равно, куда он держит путь. У него не было жизни, только короткий её отрезок. Отрезок именно этот, темный и мрачный, отрезок, дававший понять то, что не было прошлого и нет будущего. Холод. Холод и мерзость. Округа была такой же мерзкой, как и хищные люди городка. Округа заманивала, затягивала и выедала изнутри.

Внезапно С. остановился у одной могилы и уставился на неё пустыми глазами. Что-то было особенно в ней. Что-то, что заставило его встать рядом и отбило желание куда-либо идти. Чёрный мраморный памятник был аккуратно возложен, окружен тяжёлым троссом. Свежая насыпь земли, на которой лежал забрызганный грязью и дождём разломанный веночек. Под венком находились две синих розы.

Постепенно С. стал замечать, как окружающее его пространство терпит изменения. Цвета со временем теряли контраст, все чернело, серело и тускнело, образуя мир, который С. в мыслях окрестил монохромом. Больше не было ничего живого и дышащего. Монохром мгновенно, за считанные минуты овладел всем, что было вокруг путника. Звуки приглушались, открывая ворота для мчащейся колесницы со смертью и мёртвой подвальной тишиной. По сути все, что было в этом мире так же являлось монохромом: агрессивно-апатичные люди, угнетающая атмосфера, отчужденность, социопатия и природа. С. чувствовал, как гаснет огонь в его сердце, как через пробитое межреберное отверстие уходит любовь, воля к жизни, свобода и силы что-то делать.

Он посмотрел на ту самую могилу. Мысли перемешались в один густой раствор, в глазах темнело и жгло нутро. С наступлением черно-белого господства тишины наступила и мучительная фаза ожидания. Что будет дальше? Что все это значит? На мраморном памятнике внезапно стали вырисовываться серые буквы. Будто невидимый творец эпохи Ренессанса выписывал их каллиграфическим почерком. С. взглянул на буквы и понял одно: в этот чёрный день он хоронил себя и монохром – есть медленное поклонение смерти.

## Вернись

Наконец-то. Р. горел этой идеей последний год, целый год, который затянулся слишком уж надолго. Невероятные потрясения, перемены личности и разочарование, которое будто десятикубовым шприцом ввёл в его тело город – все это поспособствовало тому, что год его жизни медленно плыл по течению общего бытия. Но удалось вырваться из проржавевшего городского трюма. Р. мечтал снять небольшой домик в горах, чтобы попытаться хоть как-то пробудить в себе вдохновение, покинувшее его восемь месяцев назад. Отчаявшийся композитор, скрипач со стажем, уважаемый человек и просто господин Р., но на данный момент – человек, потерявший свою музу в дремучих каменных джунглях, расположенных в вакууме обреченности и мерзлоты.

Встретившись с арендодателем Р. оплатил стоимость домика и спустя некоторое время вошёл внутрь. Жилище представляло собой небольшой комплекс из двух комнат, сделанный по типу сельских хижин. Но сделан он был так грамотно, что несмотря на всю простоту внешнего вида можно было заметить, что постройка выполнена по всем нормам безопасности. Одна комната была сделана под рабочий кабинет, где приезжие могли спокойно заниматься офисными делами и выпивать, а другая – спальня с двуспальным низкорасположенным диваном и камином. Стены дома были увешаны портретами известных исторических личностей. Войдя в комнату, господину Р. сразу же бросился в глаза Наполеон. Император величаво стоял у деревянного расписного стула, держась одной рукой за его спинку и глядел куда-то вдаль. В комнате находились старый телевизор, книжный шкаф, дубовые тумбочки и полки, которыми был увешан практически весь дом. Кухня так же выглядела скромно, но находясь в ней создавалось ощущение, что попадаешь в какой-то типичный американский особняк. На улице располагалась небольшая летняя веранда, огражденная от внешних условий лишь навесом из толстого металлического настила.

Оставив вещи и разложив их по минимуму Р. вышел из дома и присел в кресло-качалку на веранде. Усевшись, он достал свою трубку и закурил, вглядываясь в далекий лесной массив и не веря своим глазам. После города все казалось таким животрепещущим и необъятным. Чистый горный воздух, разбавленный долей цветочного запаха, ярко-зеленая луговая трава, лес, вздымающийся из-под земли к вершине молочно-белого неба. Обойдя дом округу Р. резко остановился и от удивления широко открыл глаза... Его взору предстал горный ручей, берущий своё начало далеко за пределами досягаемости зрения. Кристально-прозрачная вода с тихим журчанием двигалась в направлении дома, огибая его часть прямо перед самым основанием, проходя сквозь горки выточенных камней и гальки. Куда держал путь ручей? Р. оставалось только догадываться, ведь вскоре вода достигала чаши и исчезала за темно-зелеными пышными кустами и молодыми деревьями. Р. опустил на колени, выставил ладони перед собой и зачерпнул ими воду из ручья. Затем он резко припал к ним, жадно глотая каждую порцию влаги. Она будто бы отчищала и фильтровала его засоренный городом организм. Испив, он почувствовал то, как его лёгкие будто бы избавились от килограмма свинца и осажденных примесей. Все, что окружало господина, все детали местной флоры, все это больше и больше удивляло его. Пейзаж растворял волнение, умирал душу, заставлял отречься от всего, что было с ним ещё пару часов назад. Место настолько пахло жизнью и девственной чистотой, что Р. чувствовал себя иным человеком: он обрёл вторую молодость, достиг долгожданного спокойствия и гармонии, обрёл все то, что казалось бы могут обрести только герои книг и романтических кинолент. Вернувшись, он вынес скрипку на улицу и присел на то же кресло, принявшись расчехлять инструмент. Гордо возложив его к подбородку и плечу, он лёгким движением выхватил смычок из чехла и плавно провёл им по струнам. Окрестность разрезал тонкий звук последних нот и Р. невольно содрогнулся от того, что звукопроницаемость показалась ему

невероятно сильной. И вот второе движение, третье и инструмент рождал небывалую мелодию, будоражившую разум господина. Его мозг отключился, поддавшись эскапизму, а руки сами плавно, но с напором водили смычок по разогревшимся струнам. Необычное сочетание звуков скрипки, отдаленный крик ястреба и треск кузнечиков – все гармонировало и сливалось в одну мелодичную консистенцию, вводившую Р. в состояние эйфории. Как долго этого ждал... Вдохновение буквально ворвалось в его сознание без стука и перевернув все вверх дном принялось плодоносить настоящим музыкальным шедевром, созданным благодаря золотым рукам и волшебному инструменту. Р. играл все тише и тише, печально смотрел вниз и тяжело дышал, пока вскоре музыка не затихла и вновь не отдала эстафету звукам горной природы. Господин широко улыбнулся, закатил рукава свитера и наконец зашёл в дом. Не раздеваясь он пал камнем на диван и вознёс руки к потолку. Широкая улыбка не покидала его лица, сердцебиение участилось, а глаза беспрестанно моргали. «Неужели я ещё способен творить...» – только единственная мысль крутилась в голове у Р. И ведь музыка... Эта прекрасная мелодия родилась у него в голове спонтанно, это не Морикконе и Паганини, это сам господин Р., маэстро из тёмного города, родил эти греющие слух мотивы. «Почему я не успел это записать?»...

Пожинав, Р. Все-таки переоделся и уселся на диван, положив перед собой бутылку рома. Подумав, он резким движением сорвал пробку и прильнул устами к бутылке. Напиток приятно обжигал горло и воспламенял все, что находилось у него под ребрами. «Какой прекрасный день» – со вздохом произнёс Р., обращаясь будто к нарисованному Наполеону. Ему хотелось танцевать, кричать во все горло и восхвалять все живое и неживое. Самое главное, что должно быть у творческого человека, что должно сопровождать его, идти ногу в ногу по канату жизни – это и есть вдохновение. Но это было не просто вдохновение... Р. никогда в своей жизни не испытывал подобных чувств... С этими мыслями господин отложил бутылку с ромом и мгновенно уснул.

Что-то непонятное заставило его продрать глаза глубокой ночью. Нагнетающая тишина напугала Р. и он попытался подняться с дивана, опершись на его спинку. Поднявшись с трудом он одел очки и включил висящий над его головой ночник. Комната была все та же, только имела более странный и одновременно с этим и уютный вид. Стены отбрасывали тени, которые скрещивались воедино, образуя узоры на расписном ковре. Пахло сыростью и фиалками. Но тут Р. резко задержал дыхание и принялся вслушиваться в мертвую тишину. Откуда-то извне послышался глухой женский голосок, который вскоре стал ещё более разборчивым. Это была песня, песня молодой девушки. Каждое слово, произнесённое и растянутое донельзя ею откладывалось в голове господина, едва уловимая дрожь её голоса робко стучалась в зашторенное окно. Высокий сопрано наращивал темп, звонкое пение озаряло тьму, озаряло все, что были ему не подвластно до этого момента. Певучий голос старательно растягивал каждый слог, играя произношением и словами в самом что не на есть хаотичном порядке. Но это все было настолько поразительно и прекрасно, что Р. схватился за грудь и сторбившись смотрел на окно, облизывая пересохшие губы. Ему хотелось выйти наружу, взглянуть на обладательницу божественного голоса хотя бы одним глазом, чтобы уловить ее взор на себе и расплыться в беспмятном удовольствии и блаженстве. Пение отдавало некой грустью и горечью, но несмотря на это заставляло улыбаться и манило все ближе и ближе к двери. Но когда Р. затопал босыми ногами по скрипучему паркету, то голос неожиданно оборвался, тем самым влил обратно ту самую мертвую тишину. Господину хотелось ещё, ещё раз услышать. Даже не услышать, просто сесть и слушать то, как неведомое чудесное создание воспекает ему серенады, но как бы он не пытался вслушаться заново, заставить себя окунуться в ту атмосферу – каждая его попытка была тщетной и жалкой. Его будто лишили половины тела, без которого он медленно и мучительно погибал в океане тишины. Так он пролежал несколько часов, беспрерывно думая о ней и ее голосе, но под утро все же удалось уснуть.

Проснувшись, Р. сразу же вышел на улицу, держа в руках скрипку и принялся судорожно осматриваться по сторонам. Все те же пейзажи, то же спокойствие и пьянящая природа. Но не следа того, что заставило его покинуть сон и забыть на время о том, кто он есть. Может это всего лишь иллюзия? Может это и не человек вовсе, а материя? Природа, горы, вечерний ветер и шум леса? Может показалось? С этой мыслью Р. уселся в кресло-качалку и уставился в страницы книги, найденной на книжной полке. Глупые истории о пиратах, детство, воспоминания... Но вдруг господин резко оторвал взгляд от листа и с перепуганными и одновременно с этим сияющими глазами вскочил с кресла. Голос вернулся. Девушка напевала уже другую песню, по новому раскладывая слова и образуя новый феноменальный этюд. Р. Поправил свитер и осторожным шагом пошёл в сторону леса, аккуратно вступая кроссовками на траву. Голос отдалялся, заманивая его все дальше и дальше, вглубь. И вот он приступил границу леса и уже брел среди нависших над головой зелёных елей и сосен. Листва под ногами издавала неприятный хруст, приглушая прекрасный голос, поэтому Р. старался идти как можно мягче. Вскоре девушка совсем затихла, вновь спустив господина с небес на землю и тот с угрюмым видом вступил к своему временному жилищу, устало передвигая ослабевшими ногами. Зайдя в дом Р. удивился. Он целых шесть часов бродил по лесу в поисках обладательницы сказочного голоса, но время это пролетело, как каких-то десять минут. Что же с ним случилось? Происходящее начинало пугать Р. и он в спешке дрожащими руками раскрутил пробку бутылки и небрежно плеснул в стакан порцию рома. Залпом осушив, он сел на угол дивана и схватился руками за лицо, то и дело потирая покрасневшие глаза. Но вскоре ему позвонила сестра и заболтавшись с ней он на время подзабыл о той, которая не давала ему спать всю ночь. Да что там спать, не давала сконцентрироваться на написании музыки и наслаждении отдыхом от суеты.

Когда пробило 12 ночи и Р. готовился к отходу ко сну, он вдруг услышал вновь то самое пение. Но на этот раз все было не так. Голос раздавался казалось бы прямо из-за окна и близкое расположение его хозяйки давало возможность уловить все мельчайшие детали его красоты. Господин недолго думая вскочил с постели и выбежал на улицу, выбив дверь оголенным плечом. Перед ним стояла высокая девушка в длинном белом платье, которое обтягивало ее стройное тело и придавало ему формы. Ее пышные кудрявые волосы замерли в одном положении, ярко-голубые глаза то и дело моргали, встряхивая длинные дугообразные ресницы. Пухлые губы слегка улыбались и напевали ту же мелодию. Она была так близко, что Р. потерял дар речи от того, что видел её вот так, прямо перед собой. Он медленно качал головой, будто отрицая происходящее и подносил руку к щеке, всматриваясь в ночную гостью. Девушка закончила петь и на шаг приблизилась к Р., остановившись в паре метров от него.

– Тебе нравится тут, родной? – так же певуче спросила она.

– Д-д-да. – заикаясь ответил Р., нервно взглотив.

– Тише, не бойся, я тебя не обижу. Возвращайся. Вернись. – тихим голосом шептала она, удалясь и протягивала руку.

– Куда? – Р. Вопросительно пожал плечами и отступил шаг назад.

– Люди ошибаются. Они думают, что убежав от чего-то они обретают себя. Что они, наконец, находят свободу. В этом есть толика правды, но есть то, что никогда не заменит им это. – девушка перестала улыбаться, но смотрела так же нежно. – Ты слишком долго был там, и ты не успел увидеть тут чистоту, что должна была броситься мгновенно в глаза.

– Ты о чем? Я все видел, все ощутил. Я получил вдохновение, я за этим сюда и ехал. И кто ты такая? – Р. бросался вопросы один за одним.

– Нет, ты не думал, что должен вернуться. Но подсознательно ты отвергал все то, что получил тут. Кто я? – с той же чувственностью спросила девушка и зашагала вперёд.

– Да. Кто? Кто?! – повысил голос господин и продолжал отходить назад.

– Я монохром...

После этих слов ее глаза медленно стали наливаться краснотой, пока все, до последнего их участка не стало алым. Белое платье выцвело на глазах, трансформируясь в серое тряпье. Из пальцев медленно освобождались длинные мечевидные когти. Она не собиралась останавливаться. Она улыбнулась, открыла рот, который был усыпан сотней мелких, острых, иглообразных зубов. Волосы с ее головы падали на траву, оголяя череп, а ноги выломались в обратные стороны. «Монохром» – повторила она уже нечеловеческим голосом, похожим на звук зажеванной пластинки, после чего дикий рев разразил горную местность.

## Беги

Раскаты грома и синевато-белые разветвления молний прорезали чёрное, налитое свинцом и ртутью, давно не видевшее солнца небо. Стёкла задрожали, словно кто-то на заброшенном людьми заводе запустил дремавшую веками машину, испускавшую густки неведомой тёмной энергии, которые в свою очередь распались на миллионы крошечных осколков, образуя в последствии то, что мы зовем проделками природы. Все вокруг пульсировало, вливая вместе с грозой тысячу оттенков и новых цветов, тысячу невидимых ранее картин и тысячу уникальных и по-своему ужасающих звуков. В ветхое окно падал тусклый луч света уличного фонаря. Его было сложно разглядеть из-за плотной стены непрекращающегося ливня и порванной полупрозрачной кружевной занавески, которая от сквозняка, протискивающегося через расщелины подоконника, колыхалась в комнате, по-своему виду и атмосфере не отличавшейся от уличных окрестностей города.

Я проснулся на раскладном диване в собственной и единственной комнате, едва сумев пошевелить конечностями. От моих попыток вернуть задубевшее тело в прижизненное состояние, диван издал страшный скрип, начавший постепенно приводить в работоспособность и ослабевший слух. Глаза открывались с трудом, через силу... Будто каждое веко являлось железобетонным засовом, который практически невозможно было отворить в таком состоянии. Когда все же получилось, то взору предстала мучительная размытая картина плавающего океанического окружающего мира, искажавшегося помутнением рассудка и невыносимым гудением внутри головы. Вскоре слух вернулся ко мне полностью, и я услышал шипящие звуки работающего радио, голос из которого казался таким мучительным, будто диктор говорил, извиваясь в предсмертных припадках и агонии. Голова с трудом повернулась в левую сторону и это сопровождалось отчетливым хрустом затекших шейных позвонков. Вскоре хруст вновь был заглушен очередным рёвом не унимающегося грома. Рука протянулась к веревочке светильника, висящего прямо над головой. И в тот момент это казалось недостижимой вершиной. Стиснув зубы до скрежета я тянулся, шевеля пальцами как идущий ко дну утопленник, плененный ихтиандром. Когда все же удалось добраться и потянуть вниз долгожданный объект, сразу раздался противный щелчок, но светильник не отреагировал. «Чёрт подери, опять нет света» – я со злости ударил кулаком в стену, от чего пласт извести от неё отслоился и с треском разлетелся о плинтус за диваном. Тогда же и получилось с трудом сесть. Нащупав неподпитую бутылку виски, я трясущимися руками открутил пробку и впился губами в горлышко. Впился так, как впиваются влюбленные мужи в губы своих любимых дам. Оставшиеся глотки напитка приятно обжигали горло, согревая все внутри. Наконец-то я встал на ноги и припадая на правую ногу побрел к тумбочке, спотыкаясь о бутылки и разбросанные личные вещи. Открыв тумбочку, а точнее вырвав её основание, я припал к полу и нащупал свечу, которую я зажег стальной подаренной зажигалкой. Огонёк от свечи резко осветил пространство, и я машинально закрыл рукой глаза, пытаясь оградить себя от вездесущих лучиков, исходящих от горящего огня. Привыкнув, я взглянул на свечу, пламя которой начало исполнять завораживающий танец, время от времени выбрасывая искры из центра. Я подошёл к покосившемуся зеркалу, висевшему там уже нет один десяток лет и заглянул туда. Во что я превратился... расстегнутая рубашка с разорванным рукавом, залитые кровью капилляры в глазах, стянутые вниз мешками. Трехнедельная щетина, а скорее борода, оказавшаяся разбитой бутылочной розочкой. Длинные невымытые волосы, свисающие на лоб словно сосульки, которые я мигом пригладил назад, проведя рукой ото лба к затылку. «Беги» – утвердил мне кто-то изнутри. Я упал на сгнивший паркет и схватился за лицо. Хотелось рыдать, причём рыдать так, чтобы со слезами вылить всю боль и страдания, что накопились в одном исхудавшем теле за тридцать лет. Хотелось опустошить себя от несбывшихся желаний, от амбиций молодости, тёплых воспоминаний.

наний и людей, засевших плотно в памяти, как старый добрый кусок семейной драмы. «Беги» – громче повторял мне голос. Я уткнулся лицом в тот же паркет, почувствовав краем губ песок и пыль, скопившуюся тут за немалое количество времени. Хотелось просто уснуть, уснуть здесь и сейчас, но я исключал такой вариант. Спать пол жизни. Пить пол жизни. Быть мечтателем, романтичным юнцом, перспективным человеком, а прослыть слабохарактерной бездарностью, существуя десяток лет под гнетом гнилого общества, давивших моральных устоев и пустых надежд. «Беги!» – голос набирал обороты. И я хотел. Хотел бежать, но силы оставляли меня. Будто стая огромных mosquitos высосала у меня всю тягу к жизни: все эмоции, чувства, мечты и планы. Разбитый маленький человечек, маленькая часть гигантской цепочки, маленькая, но взаимозаменяемая. Заменённая давно более совершенной, более приспособленной частью. Умиравший муравей среди необъятного муравейника, в котором не видят собрата, из которого медленно уходит жизнь, ставя его на канат между небытием и существованием. «Беги» – кричал голос, с характерным звуком проникая в самые забытые участки сознания. Я перевернулся на спину и посмотрел вверх... так хочется в прошлое. Туда, где тебя ждали, словно праздника или религиозного поста, где ты был уважаем и где тебя ценили. Туда, где взгляд любимых людей пустынным солнцем выжигал тянущиеся из-под земли клешни чудовищ, собиравшихся в глубинах разума. Но нет. Крах, тлен и бессмыслица. Мы лишь крохотные создания, барахтающиеся в безграничном море, что зовется жизнью. Мы и есть тлен. Барахтаемся до тех пор, пока судорога не выломает с корнем руки и ноги, после чего глядя на отдаляющееся солнце под водой пойдём ко дну. «Беги!» – истошно вопил мне голос, от чего я вскочил на ноги и уперся о стену, пытаясь вызвать рвотный позыв, кашляя и беспрестанно втягивая отяжелевший воздух. «Беги! Беги же!» – последнее, что я помню перед тем, как упасть рыбой о лед, распластавшись до утра на том же гнилом паркете.

Я стоял на переполненном людьми вокзале. Солнце робко освещало все вокруг, пытаясь скрыть следы от ночной грозы. Толпа суетилась, приобретая вид того самого муравейника. Звуки и своеобразные «голоса» отправляющихся поездов говорили о том, что жизнь вне четырёх стен кипит полным ходом. Я поправил лямку вещмешка, сильно сдавившего мне плечо и посмотрел в складное зеркало. Гладко выбритое лицо освещалось солнцем, отдавало свежестью и вернувшейся юностью, короткие волосы были уложены набок, а глаза вновь приобрели блеск. Я в последний раз обернулся назад, провожая город перед тем, как зайти в поезд. «Прощайте старые проблемы, прощайте все.» – я улыбнулся краем губ и влетел в вагон, после чего занял место у окна. Я обрёл себя. Наконец обрёл себя. Я бегу. Плевать куда, все равно, что меня ждёт вне этой злачной системы, вне этого котла. «Беги» – затухающе шептал голос. Меня провожали пейзажи города и уехав за его пределы я вздохнул полной грудью. Бегу.

## Уроборос

Спустя несколько часов, ближе к вечеру, ливень наконец оставил в покое городские улицы. Последние капли прекращающегося дождя тяжело бились об асфальт, оставляя круги на мутной воде, которая безмятежно текла вдоль обочин оббитых дорог. Синхронно включились уличные фонари, вдруг резко осветив часть улицы, находившейся на окраине у заброшенного машиностроительного завода. Но почему-то именно в этот день уличный свет был не такой яркий. Гигантские фонарные столбы с металлическими головками и лампами накаливанию не могли дать достаточного количества энергии для полного освещения, и улица погружалась в полутьму. Проезжающие мимо автомобили поднимали колесами волны грязной воды, которые акульим плавником прорезали воздух и с хлипким отголоском орошали парковочные бордюры и нервных прохожих. Ветеринарная аптека и продуктовый магазин, места, в которых было сосредоточено более яркое освещение, расставались с последними своими посетителями. Люди бежали... Бежали от города, который поминутно накидывал на себя ночной саркофаг. Город не жаловал тех, кто блуждал меж каменных джунглей в ночное время и жители это знали. Все мигом забывали то, для каких целей они покинули дома, откладывали встречи, проблемы и спешили домой, подальше от монохрома и его высохших лап...

Вдруг из-за угла с гулом выехал автомобиль с шашкой такси и спустя пару секунд резко остановился у парковки. Очередная волна разрежала воздух и небольшим приливом растеклась по тротуарной плитке. Из машины вышел человек средних лет, с залысиной на голове и густыми усами, похожими на щетку. Громко захлопнув дверь, он поспешил в сторону магазина, но резко остановился и посмотрел в мою сторону. Его лицо сморщилось настолько, что усы тот час прижались к носу, и, создавалось ощущение, что они выражают недовольство вместе с ним. Постояв еще несколько секунд, он по-офицерски развернулся в пол оборота и зашагал к входной двери магазина. Я посмотрел вниз. У моих ног все так же сидел Монсон. Он поскуливал от холода, тело его донимала дрожь, расходившаяся волнами по испачканной рыжей шерсти. Пес, почуяв взгляд на себе, поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Преданность, невероятное сочетание доверия и понимания таились за круглыми черными глазками. Еще бы, ведь Монсон – единственное, что осталось со мной после ухода от прошлого. Единственное существо, гревшее мою бродячую душонку. Да, я был бродягой. Таких как мы зовут БОМЖами, тунеядцами, бичами. Нет, я не пил, не проиграл состояние в азартные игры, казино, не влезал долги, просто играл с судьбой. Судьба предоставила мне право выбора: три стакана, повернутых основной частью к столу. В одном из них находился крах, разлад. И угадайте какой стакан я перевернул совсем случайно? С тех времен мы вдвоем...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.